

Дмитрий Фурманов

Талка

Дмитрий Фурманов

Талка

«Public Domain»

1925

Фурманов Д. А.

Талка / Д. А. Фурманов — «Public Domain», 1925

«...Разбуженным зверем заворочалась площадь, раздвинулись улицы, разомкнулись переулки – как волны в половодье, запрудили блузные валы. В те исторические дни на Талке совершилось великое дело: каждая фабрика выбрала своих представителей, те представители образовали первый в России совет рабочих депутатов. Совет выработал требования рабочих. Совет предъявил их фабрикантам. Все переговоры фабриканты отныне вели только с советом. Совет был в то время рабочим правительством...»

© Фурманов Д. А., 1925

© Public Domain, 1925

Дмитрий Андреевич Фурманов

Талка

Первые выходили – бакулинские ткачи. Шершавой и шумной толпой выхлестнули они из корпусных коридоров на фабричный двор. И раскатился от стен и до стен по каменному простору ревучий гул.

У ворот, под стеной, оскалившись злобой, в строгой готовности вздрагивали астраханские казаки. На кучку железных обрезков, стружъя, укомканной грязи выскочила хрупкая тощая фигурка рабочего. И вдруг зашуршало по рядам:

– Дунаев... Дунаев... Евлампий Дунаев...

Дунаев вскрикнул что-то и взмахнул повелительно над головой короткими руками. И было видно, как торопливо юркнула к затылку черная кепка, сползли в подмышки рукава рабочей блузы и ворот отскочил с крутого кадыка.

По восковому рябому лицу Дунаева проступили горячие пятна, черные глаза захлебнулись волнением, вспыхнули, как жало – впились в толпу. Остро прыгала короткая борода, как клееные – трепетали черные усики. Он весь дрожал, словно птица в петле, а высоко вскинутая тонкая рука приказывала мужественно и властно:

– Товарищи, внимание!

И все, что гремело, стучало, кричало, визжало – вмиг встало. Вмиг – тишина. Только чеканным клекотом чмокнули по камням казацкие кони. Казаки ерзко шаркнули в седлах шершавыми штанами. Подались назад, хрустнули нагайками, но остались под стеной. Толпа могуче зевнула в казачью сторону, тяжело обернула к Дунаеву сухое решительное желтое лицо – и замолчала.

– Товарищи! Мы бросили работу, мы вышли на волю – зачем? Затем, чтобы крикнуть этим псам, – он дернул пальцем за каменный корпус, – крикнуть, что дальше так жить и работать нельзя! Верно али нет?

И казалось – подпрыгнул каменный двор от страшного вскрика толпы, а стены медленно, жутко покачнулись.

– Но не будет успеха, товарищи, – покрыл Дунаев утихавшие голоса, – не будет успеха, ежели мы в одиночку. Всем рабочим горькая жизнь одна – вместе с нами пойдут все фабрики, все заодно, – так али нет?

И снова крикнул в мгновенной встряске каменный двор. Охнула толпа, заволновалась тревожная, словно кто-то по рядам перебирал ее, как струны, – крепкими, цепкими пальцами.

Со стружьей кучки кратки были гневные речи.

С шипом кто-то шамкнул в толпе:

– Среди нас шпионы...

– Шпионы!.. Шпионы!.. Шпионы!..

Словно против шерсти пошарили зверя; взлохматилась, оцетинилась сердито толпа.

– Где шпионы? Взять шпионов в бока!

И кто-то выкрикнул резко и внятно:

– Шпионы метят спины мелом...

Тогда вмиг поверили все, что у шпионов – мел в руках, и тысячи глаз заскакали по соседским ладоням, шарили по саленым спинам, но не находили мела, не видели предательских спинных крестов.

– Про-во-ка-ция!

И так же быстро, уверенно побежало это новое:

– Провокация, провокация, провокация!..

– Товарищи, нет ничего; круглый обман. Торопись выходить за ворота!

И толпа снялась, как с якоря огромный пароход, – забила лопастями, заухала, расплескалась звонкими вскриками, выровняла путь и вперила в ворота прямой, неколебимый взор.

Тогда кони казацкие враз куснули удила – подались казаки в сторону, лава вылудила улицу.

И неслась густая темноблужая масса по недоуменному городу, обрастала, вырастала, с фабрики перехлестывала на фабрику, заливала корпуса, откатывалась прочь – окрепшая, освещенная, густая и черная, как волны в ветру.

Недоступны каменные стены вокруг корпусов; стиснуты плотно жадные челюсти железных ворот; пусты жандармские кобуры – готовы наганы в руках; отменно вооружены полицейские наряды; по городу свищут желтолампасные эскадроны астраханцев...

Ямы, заставы, капканы, засады – смерть, как горные тучи, низко повисла кругом.

Но широк и волен шумный бег масс – разжимаются перед ними пасти ворот, пропускают высокие стены, скрежещут, но молчат жандармы, мимо скачут разъезды казаков.

У Кампанских ворот враз не далось – тогда просочились с тыла, прорвались во двор и оттуда вместе уходили через главные ворота.

Кампанских вели двое – Федор Самойлов и Семен Балашов.

На городской площади, на главной – перед управой – собрались невиданным множеством и забили приуправские улицы, как патроны бекасинником.

Над толпой, на плечах у сильных, как малая рыбка на солнце, выплескалась вверх хрупкая фигура Евлампия Дунаева:

– Тш...ш...ш... Та...ава...рищи! Тихо!

Да, тихо: все тише... тише и – тихо! Остановилось.

Евлампий Дунаев пронзительно, гневно выпалил короткое слово:

– Товарищи! Фабрики побросали работы. Десятки тысяч голодных рабочих пришли сюда – вон, погляди!

И он над головой быстрым кругом перекинул руку.

– Мы предъявим фабрикантам требования и до тех пор не встанем на работу, пока требования наши не удовлетворят.

– Правильно! Верно, Евлампий!!

– Забастовку, товарищи, доведем до конца, – вскрикнул Дунаев, – до конца, до самой точки – али нет?

Тысячегрудым эхом гикнуло по площади согласие.

Дунаев сполз с плеч. Дунаеву первому поручил говорить партийный комитет. Комитет заседал накануне в лесу, ночью, – там и решили утром подымать забастовку. Теперь комитет большевиков на площади сомкнулся в центре, где выступал Евлампий, – одного за другим выпускал своих ораторов. Партийные ораторы перемежались рабочими, что стояли ближе: всяк говорил только одно, всяк своим гневом, словно расплавленным свинцом, оплескивал гигантскую дрожащую толпу.

Только одно, одно, одно:

– Нет исхода нужде! Больше не можем так жить! Лучше разом сдохнуть с голоду, чем доживать в нищете!

– Хлеба, хлеба! Работы и хлеба!

И в острую голодуху, в неисходную нужду большевики вгоняли стальные клинья.

– Товарищи, голод – голодом, нищета – нищетой, надо бороться за надбавку оклада, за восьмичасовой день, но это не все... Не все это, товарищи! Выходя на забастовку, обрекая себя на долгие, может быть, страдания, мы заявляем сразу обо всем, что думаем, чего добиваемся, за что боролись и станем бороться до конца: учредительное собрание! Свобода слова! Свобода собраний! Печати!.. Без этого некрепки, недостаточны все наши завоевания, сегодня мы отвоёвывали, а назавтра отымут вновь... Так ли, товарищи?..

И теперь крепким, насыщенным гудом изнывала толпа, но еще густы темные тучи, велик еще страх перед тем, что стоит веками, – рабочая рать только пробуждалась в те дни на борьбу с царизмом.

Один за другим, друг дружку сменяя, повторяя, выплескивая гнев свой и горе, призывая на борьбу, выступали рабочие.

А в открытые окна управы свешивались на мясистых масленых шеях брюхатые головы, поблескивали жалко и кичливо позументы чиновничьих сюртуков, улыбались сахарно чьи-то подобострастные острые мордочки – управа наблюдала, управа была оживлена необычным зрелищем, управа всерьез борьбу не принимала, не хотела верить, что это начало настоящему гигантскому делу. Когда на площади прозвучали набатные речи, когда потребовали хозяев к ответу, – они по-мышьиному спрятались в норы, высылали своих ищеек и дебелых цепных псов. Те улыбочиво и радушно, как истые друзья рабочих, уверяли маслено и пряно:

– Товарищи рабочие! Вы собрались сюда, чтобы добиться законных своих требований. Но криком и скопом никогда ничего не добьетесь. Вам необходимо разойтись, разбиться по группкам, – пусть каждая группка идет к себе на фабрику и там договаривается со своей администрацией, – так или нет, товарищи?

Один только миг тихо-тихо промолчала толпа. Казалось, она обдумывает. Но вдруг взвилось негодующее слово:

– Никаких группок – говори со всеми. Рабочие разбиваться по фабрикам не станут. Нужда у всех одна – со всеми надо и разговор вести!

– Но так же удобнее...

– Кому удобнее?

– Так удобнее для обеих сторон, – вкрадывается маслено-мягкий голосок.

И бухает кувалдой рабочее слово:

– Никаких отдельных выступлений, никаких разговоров – так и передайте. Рабочие избегают своих представителей – говорить можно только с ними, а через них – со всеми рабочими – разом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.